

Александр Афанасьев

СКАЗОЧНИК ВСЕЯ РУСИ

Он был выдающимся ученым-фольклористом, замечательным сказочником и вообще — вольной птицей, каких мало во все времена. Нет и быть не может сомнений: его читали все. Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871) — это наша энциклопедия и неисчерпаемая кладовая. Русские народные сказки, собранные и пересказанные Афанасьевым, для многих из нас стали «вратами в литературу». Именно Александр Николаевич открыл нашенький материк фольклора. И это только часть огромного наследия учёного и писателя, просветителя и журналиста. Афанасьев необходим не только детям: без изучения его «Поэтических воззрений славян на природу» не обходятся историки и филологи.

Его отец — Николай Иванович Афанасьев, небогатый дворянин, скромный провинциальный стряпчий — рано разглядел в сыне способности к учёбе. Он не мог обеспечить ему аристократическое домашнее образование, но чуть ли не половину семейного бюджета отдавал всяческим учителям. Мальчишкой Александр Афанасьев уже свободно читал по-французски и по-немецки, знал «священную историю». Много лет спустя Александр Николаевич вспоминал с нежностью, хотя и не без иронии: «Пользуясь дедовской библиотекой, я рано, с самых нежных детских лет, начал читать, и как теперь помню, бывало, тайком от отца (мать моя умерла очень рано) уйдешь на мезонин, где помещались шкапы с книгами, и зимою в нетеплой комнате, дрожа от холода, с жадностью читаешь... Как прежде, так и теперь, готов был я долго просиживать за книгою и забывал самый голод, и нередко приходил отец и прогонял меня с мезонина, отнимая книги, читать которые он постоянно запрещал, в чем и прав был: книги были не по возрасту. Но запрещения эти действовали плохо; шкапы не запирались, и страсть неутомно подталкивала идти в мезонин».

Воронежскую гимназию Афанасьев вспоминал всё больше в саркастическом духе, усмехаясь над гимназическим уста-

Александр Афанасьев

вом с правом сечь розгами до 4 класса и с постоянным желанием начальства сечь до 5-го включительно. К счастью, любви к чтению гимназия из него не выбила.

А потом — московский университет. Вот тут Афанасьеву повезло: он застал лучшие годы дома на Моховой. На кафедрах блистали полные сил корифеи: Тимофей Грановский, Пётр Кудрявцев, Сергей Соловьев... Любимцем Афанасьева стал Константин Дмитриевич Кавелин, увидевший в воронежском гимназисте будущего историка права. Они сблизились, Кавелин опекал Афанасьева, но к концу университетского курса на студента всё сильнее влиял молодой профессор Фёдор Буслаев, вернувшийся из Германии в ореоле ранней мудрости. В буслаевской «мифологической школе» было ощущение тайны, это завораживало. Афанасьев всё серьёзнее задумывался о фольклоре, о народном характере, о познании мира через миф, изучал немецкую и французскую филологию с прицелом на исследование русской сказки.

Начинающий правовед чувствовал в себе призвание историка. Первые публикации Афанасьева обнаружили кропотливого и увлеченного исследователя: «Государственное хозяйство при Петре Великом», «О вотчинах и поместьях». Причем опубликовал он эти капитальные статьи не где-нибудь, а в лучших литературных журналах того времени — в «Современнике» и «Отечественных записках». Он пришелся ко двору в литературных и библиофильских кругах.

Официальную идеологию молодой исследователь отторгал. Да и кто из думающих людей ее принимал? Единицы. Во многом именно поэтому провалилась его попытка стать преподавателем в альма-матер. Для него устроили смотрины — публичную лекцию «Краткий очерк общественной жизни русских в три последних столетия допетровского периода». Аж в присутствии министра народного просвещения! Судя по записям в дневнике Афанасьева, это были размышления о роли самодержавия в установлении и развитии крепостного права. Впоследствии он вспоминал: «Лекция эта вызвала несколько замечаний со стороны министра, о которых, однако, я не догадался сейчас же согласиться. Шевырев с брати-

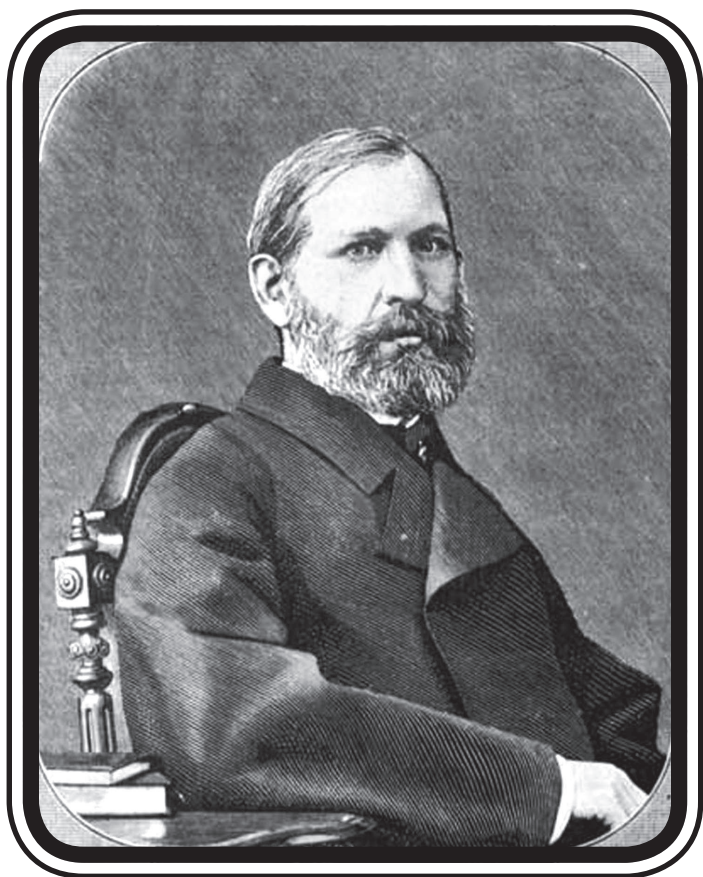

ею нашли в ней то, чего в ней не было и быть не могло. Весьма благодарен, что печатно отозвался он о моей лекции с равнодушным хладнокровием, а в непечатных отзывах, по слухам, куда недоставало этого хладнокровия».

Об университете пришлось забыть. В 1849 году, с помощью Кавелина, ему удалось поступить в Московский Главный архив министерства иностранных дел. Там Афанасьев прослужил 13 лет. Служба давала возможность сносно содержать семью, не забывая о науке. В то время Афанасьев уже вынашивал идею собрания сказок с научно-популярными комментариями. На это ушло немало времени и сил.

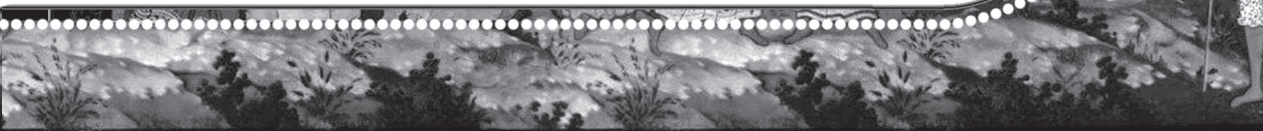
В 1851-м он не без робости объяснял в письме к редактору «Отечественных записок»: «Издание будет ученое, по образцу издания бр<атьев> Гриммов. Текст сказки будет сопровождаться нужными филологическими и мифологическими примечаниями, что еще больше даст цены этому материалу; кроме того, тождественные сказки будут сличены с немецкими сказками по изданию Гриммов, и аналогичные места разных сказок указаны. Войдет сюда также сличение сказок с народными песнями. Изданию я предпослал бы большое предисловие о значении сказок и метода их ученого издания. Одна сказка через три или через два номера, — смотря по возможности, — не займет в журнале много места. При том предмет этот не чужд интереса». Так начиналась затея, которая прославит Афанасьева, хотя принесет ему и новые невзгоды. Архивист оказался незаурядным организатором: идея собирания русских сказок объединила многих исследователей.

Самую действенную помощь оказал Афанасьеву Владимир Иванович Даль, подаривший ему сотню сказок для отбора. Откликнулись и другие литераторы. Сказочная эпопея показала, что Александр Николаевич Афанасьев — не только дотошный учёный и собиратель фольклора, но и писатель талантливый, с чувством не только языка, но и меры. Не только юмора, но и волшебства. Таинственные, страшные и весёлые афанасьевские сказки забавляют и утешают. Что нам остается без прибауток и острот? Только уныние.

Фёдор Буслаев

Афанасьев почти не вмешивался в заповедное течение повествования, отточенное многими поколениями. Но подготовил для нас грандиозный корпус сказок — равного которому не было в мире. Отныне русский читатель с ребяческих лет знал, что в любой отчаянной и даже страшноватой ситуации есть пути к спасению — в том числе и чудесные. Лучшие сказочные герои — Иван, солдат, Василиса Прекрасная — навсегда остаются с нами. И Марья Моревна, о которой Афанасьев написал увлекательное исследование. Самые шаловливые побасёнки, конечно, не попали в сборник, адресованный детям. Но юмор — подчас ёрнический — у Афанасьева рассу-

пан повсюду. Чередовать страшное со смешным — излюбленный приём фольклора. Он нашел интонацию «Ай потешить вас сказочкой? А сказочка чудесная: есть в ней дивы дивные, чуды чудные», - эти афанасьевские присказки настраивали на подходящий лад. «Грянул гром, раздвоился потолок и влетел в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу посватать...» Всё это — как страшный, но притягательный сон. Целый мир, в котором на каждом шагу — фантастические приключения, опасные чудеса. Сказки очень разные, записанные в разных губерниях огромной России. И всё-таки это единая, спаянная книга.

Сказки объединяли страну. Вот уж, действительно, скрепы. В каждой местности любую историю рассказывали на особый лад, но общий стержень оставался. А в наше время сказки объединяют нас с дедами-прадедами, с давно ушедшими поколениями. И это не менее важный стержень.

Но судьба великого сказочника складывалась не безоблачно. Недавний друг и благодетель — Кавелин — обрушился на «мифологические» статьи Афанасьева с высокомерной критикой. Пришлось отбиваться, это добавляло в исследовательскую работу азарта. Афанасьев запальчиво отстаивал своё научное кредо: «Мифология — такая же наука, как наука о допотопных животных: она воссоздает целый организм по разрозненным остаткам старины». Но, право слово, значительно опаснее Кавелина оказались идейные противники «крамольных» сказок. Консерваторы не принимали сатирической сути сказок: им не хватало почтения к царскому званию, к священству... Ведь народ издавна смеялся, не обращая внимание на социальное положение той или иной персоны. К тому же, Афанасьева не устраивало имперское благолепие середины XIX века — с хижинами и дворцами. Он мечтал о всеобщем образовании, о реформах в социалистическом духе. Культ царской семьи казался ему надуманным, фальшивым. Да и в народе к хозяевам жизни относились не только коленопреклоненно. Бывало, что и насмешливо, бывало,

что и неприязненно — и это видно по афанасьевским сказкам. Или Афанасьев намеренно выбирал дерзновенные сюжеты, вёл пропаганду? Нет, он был объективным исследователем. А сказка — вообще-то жанр вольнодумный. Сказители не оглядываются на правительственную конъюнктуру, а помпезный официоз того времени сильно отличался от реальности. Это мало кого устраивало из мыслящих людей. Многие притворялись по инерции или ради комфорта, а Афанасьев был открывателем по натуре, в известном смысле он лез на рожон. И в этом — еще один его урок, который, конечно, мы осознаём не в детстве. «В одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, у мужика была только одна, да хорошая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться, да отжилить у мужика и последнюю корову: «Тогда было бы у меня восемь!» Как могли относиться к такой сказке 150 лет назад? Как к потрясению основ, не иначе. Кто правдивее фольклор или наука? Вечный вопрос, неразрешимая дилемма. Писатель или учёный зависит от многих обстоятельств, он вынужден соотносить своё творчество с конъюнктурой — даже, если противостоит ей. Сказки слагают дилетанты, чистой воды добровольцы. Как говорили в старину на Руси — охотники. Сочиняют, как бог на душу положит, а исторические впечатления дедов и прадедов передают, конечно, не без искажений. Но — в точности так, как оно сохранилось в народной памяти.

Поэтому без сказок трудно понять историю. Трудно осознать, к чему наши предки относились с уважением, о чём мечтали, а чего боялись. Самое удивительное, что во многом мы с ними совпадаем — в этом непрерывная сила фольклора. Афанасьеву удалось сдвинуть гору: он открыл русскую сказку и для филологической науки, и для широкой читательской аудитории на много поколений вперед.

Критика поеживалась от сатирических сказок: «Чего только не изображается в них, не говоря уже о главной основной идее почти всех этих сказок, то есть торжества хитрости, направленной к достижению какой-либо своекорыстной цели, в некоторых проводятся олицетворенные возмутительные

Сказки Афанасьева

идеи, как, например, в сказке «Правда и кривда», в которой доказывается, что «правдою на свете мудренно жить, какая нынче правда! За правду в Сибирь угодишь»... В немилость попал афанасьевский сборник «Русских народных легенд», в котором содержались народные вольные интерпретации христианских сюжетов. Эротические и сатирические «Заветные русские сказки» при жизни собирателя вышли в свет только в Швейцарии. Сказки Афанасьева с боями прорвались через цензуру — и были опубликованы с академической пол-

нотой, увы, только после смерти автора. Его сборники многократно переиздавались, к началу XX века они стали самым популярным чтением на Руси. А после революции Афанасьева признали классиком уже окончательно. Появилось немало новых переизданий — и массовых, детских, и академических, с научными комментариями. Их и сегодня переиздают регулярно.

В 1858-м Афанасьев стал редактором задуманного им журнала «Библиографические записки». Издательское бремя взял на себя книготорговец Николай Щепкин — сын выдающегося актера Малого театра, соратник Афанасьева. Им удалось впервые опубликовать по рукописям некоторые произведения Пушкина, Лермонтова Гоголя... Сотрудничал с афанасьевским журналом и видный историк Иван Забелин. Он мечтал опубликовать и ввести в научный оборот всю «потенную» русскую литературу, ходившую в списках. Но пройти через «узкие райские врата цензуры» удавалось далеко не всегда. Самые крамольные рукописи издатели «Библиографических записок» переправляли в Лондон, Герцену, для публикации в «Полярной звезде». Афанасьевский журнал завоевал ученую аудиторию, но финансовой поддержки хватило только на двадцать номеров...

По-видимому, именно за связи с Герценом в 1862-м Афанасьева уволили из министерского архива. На несколько месяцев он лишился средств к существованию, в трудные дни приходилось распродавать книги. Он устроился секретарем в Городскую думу, затем — в мировом съезде, но эту работу воспринимал как мытарство. А ведь в научном мире его по праву считали корифеем фольклористики. Один из первых английских славистов Уильям Ролстон в 1870 году беседовал с Афанасьевым в его московской квартире. Британский ученый с теплотой вспоминал эту встречу и набросал любопытный портрет русского сказочника: «Я провел с ним очень короткое время в его совершенно русском доме, стоявшем посреди такого обширного двора (даже можно сказать пустыря), что легко можно было подумать, будто находишься в деревне, а не в столичном городе. Комната его со всей ее

обстановкой была именно в таком роде, в каком можно было надеяться встретить в доме такого истинного ученого — повсюду книги и везде следы и указания на литературный труд.

Да и самую личность своей он выражал идею высокого труженика, труженика не из материальных выгод, но из сердечной любви к своему предмету и из благородного желания извлечь из тьмы и вывести на свет литературные сокровища, так долго скрывавшиеся в малочитаемых хрониках и других неизвестных памятниках, или же кроющиеся в памяти народа, к которой ученые обращаются еще менее». Так он и жил — в трудах. Иначе не умел.

После сорока учёный растерял здоровье. Чахотку тогда лечить не умели... Да и работал он без малейшего снисхождения к собственным недугам. Всего лишь 45 лет прожил Афанасьев. Его целеустремленность и трудолюбие — как из фантастического романа. На одной из немногих сохранившихся фотографий (прижизненных живописных портретов Афанасьева вроде бы не существует) мы видим измождённого, пожилого человека, успевшего выполнить неподъемный земной долг. Современники восприняли его раннюю смерть как укор.

Иван Сергеевич Тургенев размышлял в откровенном письме к Афанасию Фету: «Недавно А. Н. Афанасьев умер буквально от голода, а его литературные заслуги будут помниться, когда наши с Вами, любезный друг, давно уже покроются мраком забвения». Так бывает: слава не спасла учёного от нужды, от преждевременной смерти. Но и бессмертие сказочника всяя Руси не оспаривается.

В этом сборнике мы собрали самые любимые в народа русские сказки — волшебные. Все они выходили в сборниках Афанасьева — как правило, вперемешку со сказками других жанров. Иван-царевич, Иван Дурак, Емеля, Елена Премудрая... Без этих героев невозможно представить себе нашу культуру. Эти сюжеты исследуют ученые, находят в них следы языческих верований и древние ключевые сюжеты, присущие всем народам. Но русский колорит — особый. Он близок и дорог нам.

Читая эти сказки, мы переносимся во времена, когда устное народное творчество было основой основ. Нашим предкам в их детские годы эти сказки заменяли и книги, и радио, и телевидение, и интернет... Постарайтесь прислушаться к языку русских сказок. Как прекрасны эти просторечия, эти отступления от классических канонов... Только впитав все это, можно вполне понять гибкость русской речи.

Но главное — что от этих сказок невозможно оторваться. Это захватывающие впечатления — почти без нравочений. А без таких оборотов как «жили-были...» - мы никогда не поймём России. Это как музыка. Объяснения здесь излишни.

**Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактора журнала «Историк»**

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗ

ВКИ АФАНАСЬЕВА

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Алёнушкой. Вот царь с царицею померли, остались дети одни и пошли странствовать по белу свету. Шли, шли, шли... идут и видят пруд, а около пруда пасётся стадо коров.

— Я хочу пить, — говорит Иванушка.

— Не пей, братец, а то будешь телёночком, — говорит Алёнушка.

Он послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят реку, а около ходит табун лошадей.

— Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется.

— Не пей, братец, а то сделаешься жеребёночком.

Иванушка послушался, и пошли они дальше, шли-шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец.

— Ах, сестрица, мне страшно пить хочется.

— Не пей, братец, а то будешь баранчиком.

Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят ручей, а возле стерегут свиней.

— Ах, сестрица, я напьюся; мне ужасно пить хочется.

— Не пей, братец, а то будешь поросёночком.

Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят: пасётся у воды стадо коз.

— Ах, сестрица, я напьюся.

— Не пей, братец, а то будешь козлёночком.

Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козлёночком, прыгает перед Алёнушкой и кричит: «Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!»

Алёнушка обвязала его шёлковым поясом и повела с собою, а сама-то плачет, горько плачет... Козлёночек бегал-бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидали и тотчас доказывают царю:

Виктор Васнецов.
Алёнушка

— У нас, ваше царское величество, в саду козлёночек, и держит его на поясе девица, да такая из себя красавица.

Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают её: откуда она и чьего роду-племени?

— Так и так, — говорит Алёнушка, — был царь и царица, да померли; остались мы, дети: я — царица, да вот братец мой, царевич; он не утерпел, напился водицы и стал козлёночком.

Люди доложили все это царю. Царь позвал Алёнушку, расспросил обо всём; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться. Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козлёночек с ними — гуляет себе по саду, а пьёт и ест вместе с царём и царицею.

Вот поехал царь на охоту. Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Алёнушка больная, да такая худая да бледная. На царском дворе всё приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашивает царицу:

— Али ты чем нездорова?

— Да, хвораю, — говорит царица.

На другой день царь опять поехал на охоту. Алёнушка лежит больная; приходит к ней колдунья и говорит:

— Хочешь, я тебя вылечу? Выходи к такому-то морю столько-то зорь и пей там воду.

Царица послушалась и в сумерках пошла к морю, а колдунья уж дожидается, схватила её, навязала ей на шею камень и бросила в море. Алёнушка пошла на дно; козлёночек прибежал и горько-горько заплакал. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворец.

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на стол и сели обедать.

— А где же козлёночек? — спрашивает царь.

— Не надо его, — говорит колдунья, — я не велела пускать; от него так и несёт козлятиной!

На другой день, только царь уехал на охоту, колдунья козлёночка била-била, колотила-колотила и грозит ему:

— Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать.

Приехал царь; колдунья так и пристаёт к нему: